

УДК 93

ДУХОВНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ВЕРОИСПОВЕДНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ
В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (октябрь 1917–1930-е гг.)

Юрий Николаевич Макаров,
доктор исторических наук, профессор
Сочинский государственный университет
354000, Россия, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская 26 а

В статье рассматривается духовно-образовательная деятельность вероисповедных объединений в наиболее переломный период истории СССР (1917–1930-х гг.).

Ключевые слова: духовно-образовательная деятельность, вероисповедные объединения, советская власть.

Жизненно важным для религиозных объединений любой конфессиональной направленности являлся вопрос о возможности беспрепятственного осуществления процесса подготовки кадров священнослужителей и проповедников. Поэтому понятна та болезненная реакция (в первую очередь, со стороны РПЦ [1]), которой встретило большинство верующих появление специального распоряжения рабоче-крестьянского правительства от 11 декабря 1917 г., предписывавшего передать все духовно-учебные заведения (вне зависимости от их вероисповедной принадлежности) в ведение Наркомпроса (далее – НКП).

Впрочем, последовавшие вслед за этим конкретные шаги Наркомата просвещения РСФСР наиболее страшные опасения иерархов Церкви, казалось, не подтверждали, по крайней мере, первоначально. В январе – феврале 1918 г. руководство НКП заявило об отсутствии у него намерений мешать чисто образовательной деятельности православных духовных академий, при том, правда, условии, что лекционные аудитории не будут использоваться для политической агитации. Однако, при этом НКП настойчиво рекомендовал академиям войти в состав классических университетов на правах богословских факультетов «при сохранении в будущем духовной связи академий с Церковью» [2]. В случае согласия правительство, вроде бы, обещало оказывать религиозным высшим учебным заведениям помощь в течение всего переходного периода. Оговорка относительно исключительно духовной связи учебных заведений с Матерью-церковью руководство РПЦ, стремившееся всеми силами сохранить за собой полный контроль над системой богословского образования, думается, не устраивало. Совместным решением от 15/28 февраля 1918 г. Патриарх и Св.

Синод РПЦ потребовали от начальствующих и обучающихся в духовных учебных заведениях теснее сплотиться со служащими и родительскими советами в коллективы (союзы) для защиты учебных помещений от захвата со стороны «внешних», не допуская каких-либо изменений в организации процесса преподавания и в содержании учебных планов вплоть до особых распоряжений высшей церковной власти [3].

В целях изыскания автономных источников финансирования системы религиозного образования, Высшее Церковное Управление (далее – ВЦУ) Православной церкви 7/20 февраля 1918 г. приняло решение о единовременном отчислении 6 % валового церковного дохода за 1917 г. в пользу духовно-учебных заведений [4]. Поместный Собор (15/28 марта) и ВЦУ (24 марта/6 апреля) распорядились сформировать особую общецерковную казну для покрытия расходов на содержание личного состава духовно-учебных заведений, определив, что в нее должны поступать средства специального тарелочного сбора и часть прибыли епархиальных свечных заводов (10 рублей с каждого пуда свечей) [5]. Однако, как выяснится позднее, намеченная система целевых мер фактически окажется нереализованной.

Весной 1918 г. из разных частей страны стали приходить известия о массовых реквизициях помещений, имущества, продовольственных запасов духовных семинарий и иных учебных заведений РПЦ в пользу Красной армии, прочих военных и гражданских ведомств нового режима [6]. Вселившие на непродолжительное время некую надежду в сердца руководства РПЦ (заседание ВЦУ от 22 мая / 4 июня 1918 г.) заявления управляющего делами СНК В.Д. Бонч-Бруевича и народного комиссара просвещения А.В. Луначарского (апрель – май 1918 г.) о намерении властей сохранить-таки существующий тип духовно-учебных заведений в качестве самостоятельного звена и передать их (вместе с инвентарем) на содержание епархий или местных церковных общин (в случае их на то согласия), оказались лишь личной точкой зрения указанных советских чиновников, не совпадавшей ни с мнением коллегии НКП в целом, ни с позицией «церковного» отдела Наркомюста (далее – НКЮ) [7].

24 апреля 1918 г. Госкомиссия по просвещению НКП объявила о закрытии бывших духовных учебных заведений, на чьи бы средства они не содержались, и распределении обучавшихся в них юношей по общеобразовательным школам. Согласно этой же резолюции, разрешалось создание специальных богословских курсов с целью подготовки священнослужителей для лиц не моложе 18 лет и при обязательном ограничении программы подобных курсов исключительно богословскими дисциплинами [8]. 21 мая 1918 г. коллегия отдела единой трудовой школы НКП, в свою очередь, отдала распоряжение соответ-

ствующим структурам на местах немедленно принять духовно-учебные заведения на свой баланс и реформировать их по общему типу советских учреждений. Практически сразу же начался процесс преобразования духовных училищ, над духовными академиями нависла угроза «превращения» их в педагогические институты [9]. В опубликованной 30 августа 1918 г. в «Известиях ВЦИК» Инструкции НКЮ «О порядке проведения Декрета об отделении ...» в жизнь сообщалось о прекращении государственного финансирования духовно-учебных заведений и лишении преподавателей религиозных вероучений всякого рода довольствия из государственных средств за период, начиная с 1 января 1918 г. Здания учебных заведений (всех вероисповеданий) изымались в пользу местных совдепов или НКП, их последующая аренда [10] разрешалась [11] религиозным объединениям на общих для всех граждан основаниях (исключительно с ведома НКП). Однако, пожалуй, наиболее тяжелым испытанием для системы духовного образования РПЦ являлось заявленное в Инструкции намерение государства национализировать свечное производство, доходы от которого церковные власти, как уже было сказано, предполагали направлять на поддержку системы специальных учебных заведений.

Оказавшись в безвыходном положении, Поместный собор и ВЦУ объявили об увольнении за штат всего учебного и вспомогательного персонала духовно-учебных заведений. Отныне их содержание должно было осуществляться практически полностью за счет епархиальной казны (1 ноября 1918 г. н.с. ВЦУ подтвердит, что не располагает средствами, необходимыми для поддержания жизнедеятельности даже духовных академий). Местному церковному начальству было рекомендовано обеспечить денежным довольствием бывших преподавателей хотя бы на ближайшие полгода (вплоть до приискания последними новых рабочих мест), используя в течение этого периода оказавшихся без работы специалистов для решения задач «внешнего (внешкольного) просвещения» в епархиях [12]. Одновременно высшие церковные власти отдали ряд распоряжений, направленных на обеспечение сохранности богословских отделов фундаментальных и ученических библиотек, принадлежавших отходящим из ведения Церкви учебным заведениям [13].

Во исполнение решений Поместного собора ВЦУ (постановление Патриарха, Св. Синода и ВЦС, май 1918 г.) был инициирован процесс открытия в 12 городах страны (за счет епархиальных средств) системы пастырско-богословских и псаломнических училищ (курсов), в т.ч. с четырехгодичным сроком обучения, учебные планы и программы которых были приведены в соответствие с соответствующими требова-

ниями советской власти [14]. Новая учебная структура в известной мере была призвана заменить существовавшую ранее.

Впрочем, хроническое отсутствие в конце 1918–1920 гг. денежных средств неоднократно ставило само существование образовательной системы РПЦ под вопрос. В первую очередь сказанное относилось к высшим учебным заведениям, в которых многие преподаватели и сотрудники работали практически даром. Дальнейшая судьба этих учреждений сложилась, в достаточной степени, трагически.

План слияния «на федеративных основах» Петроградской духовной академии (ПДА) и Петроградского университета, поддержанный перед СНК Академией наук, не был реализован в силу отсутствия необходимых финансовых средств и по причине конфискации властями учебных помещений академии. Попытка ПДА влиться (после июня 1918 г.) в состав классического университета в качестве богословского университета Наркомпросом (в январе 1918 г., как мы помним, против подобного варианта не возражавшего) была отвергнута. Вместо закрытой академии был организован (на базе богословско-пастырского епархиального училища, созданного в 1918 г. преподавателями духовной семинарии) Петроградский богословский институт - ПБИ (разрешение от 16 сентября 1919 г. фактическое открытие – по благословению митр. Петроградского Вениамина в апреле 1920 г.; ректор – прот. Н. Чуков). Финансирование процесса обучения (в 1920 г. насчитывалось более 100 слушателей, мужчин и женщин, в т.ч. 32 с высшим образованием) осуществлялось за счет проводившегося 4 раза в год специального денежного сбора в приходах епархии. Институт с перерывом (1921 г.) просуществует до мая 1923 г. (продолжая оставаться под юрисдикцией Патриаршей церкви) и самоликвидируется [15], оказавшись перед лицом реальной угрозы перехода рычагов управления вузом в руки обновленческого крыла РПЦ [16].

Процесс медленного умирания Московской духовной академии (МДА) растянулся на 2 десятилетия. В 1918 г. она последний раз приняла абитуриентов. Потеря помещений заставила руководство МДА перейти к занятиям в частном порядке. В январе 1919 г. ВЦУ вынуждено было поднять вопрос о полном прекращении деятельности академии, рекомендуя привлечь оставшиеся не у дел академические кадры для защиты РПЦ от «нападения лжеучителей и людей неверующих» [17]. Но, несмотря на все сложности, учебный процесс практически не прерывался, при этом допуск на занятия преподавателей МДА был разрешен для студентов других духовных академий страны. В таком полулегальном положении [18], на пожертвования из московских храмов, с перерывами (решение Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б) от 6 марта 1923 г. о ее ликвидации) МДА просуществует до 1928 г. В числе ее преподавателей были еп. Иларион (Троицкий),

прот. В. Виноградов, а также еп. Сергиевский Варфоломей (Ремов) – настоятель Высоко-Петровского монастыря, на территории которого, как правило, и проходили занятия с желавшими получить высшее духовное образование [19].

В апреле 1919 г. местные власти отдали распоряжение о закрытии Киевской духовной академии, предоставив право ее слушателям доучиваться на историческом факультете университета. Ректор КДА, в свою очередь, вынашивал планы о придании академии (в целях самосохранения) статуса частного учебного заведения. По свидетельству современников, в октябре 1920 г. КДА формально еще функционировала, но фактически не работала. После повторного решения властей о ее ликвидации КДА перешла полностью на нелегальное положение. Последние данные о времени ее существования относятся к 1925 г. [20].

Вне рамок системы чисто пастырско-богослужительного образования в 1918 – 1922 гг. существовало еще несколько учебных структур православной вероисповедной ориентации, таких, как Народно-богословский институт в Екатеринбурге, «Бердяевская» Вольная академия духовной культуры (последняя действовала с 1919-го по январь 1923 г.) [21], религиозно-философские курсы для молодежи в Даниловом монастыре (1919 г.) под руководством еп. Волоколамского Феодора (Поздеевского).

21 мая 1918 г. в Москве, по предложению проф. МГУ В.П. Виноградова и по благословению патриарха Тихона, было решено открыть Православную народную академию (ректор – проф. МГУ, прот. Н. Боголюбский). Она должна была существовать, главным образом, на средства Московской епархии и частные пожертвования. В качестве преподавателей предполагалось привлечь профессуру МДА. Академия имела своей задачей организацию нравственного просвещения в самых широких кругах верующих с целью более глубокого и сознательного усвоения православного мировоззрения и осуществление подготовки всех желающих (мужчин и женщин – членов церкви) к практической работе в приходских и епархиальных учреждениях (среди прочего, к пастырскому служению). Также Академия должна была предоставлять лицам священнического сана возможность повышения квалификации. Зачисление на три отделения Академии (общедоступные, высшие богословские и пастырские курсы – везде обучение платное) зависело как от желания самого соискателя, так и от его багажа общих и специальных знаний. Впрочем, масштабным организационным планам так и не суждено было претвориться в жизнь [22].

В начальный период нэпа рядом специальных постановлений (резолюция Президиума ВЦИКа от 13 июня 1921 г. и ее разъяснение

В отделе НКЮ от 2 мая 1923 г.; циркуляр НКП от 30 августа 1921 г.) было подтверждено право религиозных объединений устраивать для лиц старше 18-летнего возраста (имевших образовательный ценз не ниже первой ступени советской школы) богословские курсы для подготовки священнослужителей, учебные планы которых по-прежнему были ограничены узко - специальными дисциплинами [23]. Вместе с тем, вероисповедные структуры, лишенные права юридического лица, не могли выступать в качестве учредителей. Такая возможность предоставлялась лишь «отдельным ни в чем не опороченным гражданам, либо их товариществам» [24]. Лица, заинтересованные в открытии богословских курсов, обязаны были вместе с заявлением представить программу, план преподавания, условия для поступления и список преподавателей. В целях обеспечения надежного контроля над процессом обучения НКЮ давал разрешение на открытие богословских учебных заведений только в крупных городских и губернских центрах и отказывал в создании таковых на периферии (что особенно задевало интересы сектантства) [25].

В мае – июле 1923 г. НКП начал было разрабатывать конкретные правила функционирования религиозных курсов. Но затем по настоянию НКВД решено было единообразного нормативного акта не издавать (секретный циркуляр НКП от 2 октября 1923 г.), а каждую просьбу верующих на сей счет рассматривать отдельно, сообразуясь в каждом конкретном случае с теми или иными привходящими обстоятельствами, принимая во внимание мнение всех заинтересованных советских ведомств [26].

Переходя на почву конкретных фактов, укажем, что наибольшее количество духовных учебных заведений к середине 1920-х годов имела Православная Церковь в России и на Украине.

Существовавшее при закрытом ранее Петроградском богословском институте богословско-пастырское училище уцелело и после мая 1923 г. (сохранив верность патриарху Тихону). Советские власти, давая добро на перерегистрацию уставных документов училища в 1924 г., в качестве обязательных условий его дальнейшего существования сформулировали два требования: 1) установить максимум обучающихся – не более 50 чел., каждый из которых обязан был предъявить справку об окончании не менее двух ступеней Единой трудовой школы и успешно выдержать собеседование по политграмоте с комиссией губполитпросвета; 2) запретить устройство открытых публичных лекций и не разрешать выдачу книг из библиотеки училища посторонним лицам.

Училище успешно пережило повторную перерегистрацию в 1926 г., но, все же, было закрыто в июне – августе 1928 г. [27]

С сентября 1925 г. богословским курсам II-го благочиннического округа в Ленинграде (позднее Центрального городского района), созданным еще в 1921 г., решением их совета (май 1925 г.) был придан статус ВУЗа под юрисдикцией Патриаршей церкви. Высшие богословские курсы (ректор – прот. Н. Чуков) легально функционировали до августа 1928 г., затем неофициально продолжали существовать еще до 1 сентября 1929 г. [28] Попытка митр. Сергия получить у П.Г. Смидовича в феврале 1930 г. разрешение на возобновление их деятельности окончилась безрезультатно [29].

Поддерживавшееся властями [30] обновленческое крыло РПЦ к 1925/26 г. контролировало около 50 епархиальных богословских школ и курсов, в т.ч. в Ростове-на-Дону, Краснодаре, Курске, Оренбурге, Уфе (к сентябрю 1927 г. их количество сократится до 32) [31]. 2 высших учебных заведения академического типа под юрисдикцией обновленческого крыла РПЦ были открыты – вначале в Москве (ДА, декабрь 1923 г.), затем – в Киеве Высшая украинская богословская школа, попытки создать которую предпринимались, начиная с июня – сентября 1924 г. [32] В декабре 1923 г. и петроградские обновленцы возбудили ходатайство об организации трехгодичного Высшего богословского института. В его уставе, зарегистрированном 15 февраля 1924 г., заявлялось о намерении воспитывать в стенах вуза «идейных пастырей, проповедников и учителей церкви, безоговорочно лояльных к советскому государственному строю». Учебный процесс начался в марте 1924 г. ректор: протоиерей, позже арх. П.В. Раевский; преподаватели: проф. Б.В. Титлинов (с 1928 г. – ректор), прот. А.И.Боярский и др. Из 35 человек, подавших заявление, на собеседование по политграмоте явилось 25 чел. (27 мужчин и 8 женщин), выдержали его 20 чел. В силу ряда объективных и субъективных причин полный курс обучения прошли лишь 10 чел. (5 мужчин и 5 женщин). В 1925 г. было принято 15 слушателей; к июлю 1928 г. продолжало обучение 10 чел. (в т.ч. 3 священника); в 1926 г. – принято 25 чел. - осталось 18 (в т.ч. двое были призваны на службу в армию). В январе 1927 г. на трех курсах института обучалось 55 чел. (53 – со средним образованием), в том числе 16 девушек. С конца 1925 г. в институте осуществлялись защиты богословских диссертаций. С 1927/28 г. институт прекратил получать поддержку из сумм просветительского фонда Св. Синода и полностью перешел на местный бюджет (поступления от Ленинградского епархиального управления; специальные тарелочные сборы в храмах города; доходы нескольких ленинградских часовен). Из-за нехватки материальных средств большая часть занятий проходила на частной квартире [33].

Согласно советскому законодательству, конфессиональные учебные заведения могли существовать на денежные средства «исполни-

тельных органов религиозных съездов», отдельных религиозных общин либо добровольные пожертвования. Попытки (февраль – ноябрь 1927 г.) некоторых местных властей перекрыть первый из названных источников денежных поступлений (со ссылкой на некорректно истолкованное ими устное предписание П.Г. Смидовича от 15 октября 1927 г.) были пресечены вмешательством НКВД РСФСР (директива от 6 января 1928 г. – не чинить препятствий финансированию богословских курсов как общинами верующих, так и исполнительными органами религиозных съездов) [34].

Не препятствовали власти (по крайней мере, первоначально) тем или иным религиозным объединениям использовать для организации процесса религиозно-духовного образования деньги, присылавшиеся из-за границы родственными либо близкими по духу церквями.

С началом коренного перелома 1928/1929 гг. духовно-образовательная и просветительная деятельность религиозных объединений резко идет на убыль, и в начале 1930-х гг. практически замирает. Дольше других легальным порядком существовали учебно-духовные структуры обновленцев от РПЦ. Киевская Высшая богословская школа функционировала, по крайней мере, до декабря 1928 г. [35]; Ленинградский институт официально был закрыт в 1931 г. [36]; в Москве учебный процесс (который возглавлял сам митр. А. Введенский) не прекращался вплоть до 1934/1935 г. [37]

Полностью перейдя после 1928 г. на нелегальное положение, МДА (патриаршей ориентации) продолжает готовить кадры священнослужителей. На этом последнем этапе ее деятельности (длвшемся до 1935/1936 г.) МДА возглавляют профессор И.В. Попов (после освобождения в 1932 г. из заключения) и еп. Варфоломей (Ремов), расстрелянный в 1936 г. [38].

Примечания:

1. Как известно, в дореволюционной России было 4 духовные академии, 57 духовных семинарий, 185 духовных училищ.

2. РГИА. Ф.831. Оп.1. Д.85. Л.82-83, 109; Макаров Ю.Н. Власть и церковь в России после октября 1917 г. // История и историки в контексте времени. 2009. № 6. С. 67–81.

3. Церковные ведомости. 1918 г. №7-8. С.32–35; Введенский А.И. Церковь и государство. Очерк взаимоотношений церкви и государства в России (1918–1922 гг.). М., 1923. С.139 и др.

4. РГИА. Ф.831. Оп.1. Д.19. Л.64; Д.95. Л.1–4 и др.

5. РГИА. Ф.831. Оп.1. Д.19. Л.64.

6. РГИА. Ф.831. Оп.1. Д.94. Л.33 и др.

7. РГИА. Ф.831. Оп.1. Д.14. Л.15–16; Д.19. Л.145–146 и др.

8. РГИА. Ф.831. Оп.1. Д. 19. Л.34, 43; Известия ВЦИК. 1918. 5 сент. и др.

9. ГАРФ. Ф.2306. Оп.2. Д.72. Л.7.

10. В сентябре 1918 г. в Петрограде открылись 2-летние богословско-пастырские курсы РПЦ, которым Совет комиссаров Северной области передал здание бывшего Сената. (Шкаровский М.В. Петербургская епархия ... С.37).
11. Гидулянов П.В. Церковь и государство по законодательству РСФСР. С.28.
12. РГИА. Ф.831. Оп.1. Д.20. Л.134–136. 157–158, 163; Д.21. Л.30; Д.95. Л.53 и др.
13. РГИА. Ф.831. Оп.1. Д.16. Л.51–52 и др.
14. РГИА. Ф.831. Оп.1. Д.16. Л.51–52; Д.20. Л.134–136. 152; Д.23. Л.129–130 и др.
15. Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1994. С.244–245.
16. Обновленцы, в т.ч. А.И. Боярский (как явствует из содержания аттестационных документов), также принимали участие в процессе обучения.
17. РГИА. Ф.831. Оп.1. Д.22. Л.13.
18. Совершенно секретно ... – М., 2001. Т.2. 1924 г. С.413.
19. РГИА. Ф.831. Оп.1. Д.22. Л.13, 179; Д.23. Л.125–126; Д.25. Л.52, 96.
20. Поспеловский Д. Русская Православная Церковь в XX веке. С.112.
21. ГАРФ. Ф.393. ОП. 43 а. Д.6. Л.12э.
22. Цыпин Вл., прот. История Русской церкви: 1917–1997 гг. С. 615 и др.
23. ГАРФ. Ф.353. Оп.7. Д.9. Л.38–41; Революция и церковь. 1922. № 1–3. С.52.
24. Гидулянов П.В. Церковь и государство по законодательству РСФСР. С.27, 30, 56.
25. ГАРФ. Ф.1235. Оп.69. Д.29. Л.39; РО ГМИР. Ф.4. Оп.2. Д.103. Л.111–112 и др.
26. ГАРФ. Ф.2306. Оп.1. Д.2348. Л.17, 21, 31, 34, 35, 42.
27. Шкаровский М.В. Петербургская епархия ... С.91, 146; ЦГА СПб. Ф.1001. Оп.8. Д.75. Л.32. 79; Ф.7384. Оп.33. Д.18. Л.118 и др.
28. Шкаровский М.В. Петербургская епархия ... С.108; Цыпин Вл., прот. История Русской церкви: 1917–1997 гг. С.618; Поспеловский Д. Русская Православная Церковь в XX веке. С.118; ЦГА СПб. Ф.7383. Оп.1. Д.22. Л.6, 86, 88, 143; Д.49. Л.4–29; Ф.7384. Оп.33. Д.285. Л.7. 15 и др.
29. ГАРФ. Ф.6343. Оп.1. Д.263. Л.67–68; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство (1917–1941 гг.). С.270.
30. По этой же причине без проволочек в 1926 г. получит разрешение на открытие своих курсов «григорианский» ВВЦС. (Шкаровский М.В. Петербургская епархия ... С.118).
31. РО ГМИР. Ф.33. Оп.1. Д.62. Л.1; Звезда (Пермь). 1927. 18 сент.; «Обновленческий» раскол... С.67 и др.
32. Цыпин Вл., прот. История Русской церкви: 1917–1997 гг. С.131.
33. Шкаровский М.В. Петербургская епархия ... С.107, 159; ЦГА СПб. Ф.1001. Оп.9. Д.47. Л.26. 49–50; Д.50. Л.1–73; Ф.7383. Оп.1. Д.12. Л.173–175; Д.22. Л.143 и др.
34. ЦГА СПб. Ф.47. Оп.2. Д.3. Л.85; Ф. 56. Оп.3. Д.2. Л.26–27. 47; Ф.143. Оп.1. Д.82. Л.26–27, 47 и др.
35. РГАСПИ. Ф.17. Оп.113. Д.683. Л.31 и др.
36. Шкаровский М.В. Петербургская епархия ... С.159; «Обновленческий» раскол... С.520 и др.

37. Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты ... - М., 1996. С.463–464, 633.
38. Пospelовский Д. Русская Православная Церковь в XX веке. С.112; Резникова И. Православие на Соловках... С.87 и др.

UDC 93

RELIGIOUS ASSOCIATIONS' ECCLESIASTICAL EDUCATIONAL
ACTIVITIES IN SOVIET PERIOD (October 1917–1930s)

Yury N. Makarov

Doctor of History, Associated Professor

Sochi State University

Sovetskaya street 26a. Sochi city. Krasnodar Krai. 354000. Russia

The article is focused on religious associations' ecclesiastical educational activities in turning period of USSR history (1917–1930s).

Keywords: ecclesiastical educational activities, religious associations, Soviet power.